

И.В. Усов

ВИЗИТ РАБОЧЕЙ ДЕЛЕГАЦИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В КОЛОНИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ Г. ПЕРИ В ИНДОКИТАЙ В 1934 ГОДУ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОСЛЕДУЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ ВЬЕТНАМСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Во многих работах историков СРВ, посвященных национально-освободительному движению в Индокитае в 1930-е годы, часто упоминается визит Рабочей делегации по расследованию положения дел в колонии в Южный Вьетнам — Кохинхину и в Камбоджу¹, однако до сих пор в них не рассматривался вопрос о влиянии этого визита на развитие революционного движения в колониальных владениях Франции в Юго-Восточной Азии.

После волны антиколониальной борьбы 1930—1931 гг. Вьетнам погрузился в пучину массовых репрессий, направленных против национально-освободительного движения и, в частности, против недавно созданной Коммунистической партии Индокитая (КПИК). Полиция продолжала с успехом проводить операции по «зачистке» вьетнамского подпольного политического поля до начала 1933 года². Весной этого же года французскими властями было решено провести в Сайгоне массовый показательный судебный процесс над первыми вьетнамскими коммунистами.

Левый спектр политических сил метрополии ответил на указанные действия движением в поддержку вьетнамских заключенных: 9 марта 1933 года во Франции был образован Комитет по амнистии в Индокитае (или Комитет по амнистии и защите индокитайцев и колонизированных народов). Активное участие в его создании приняла Французская коммунистическая партия (ФКП), которая, по сути, являлась главной движущей силой этой инициативы.

«Комитет по амнистии в Индокитае и превосходные результаты его деятельности... являлись положительным моментом колониальной работы партии, — отмечалось в одном из документов ФКП. — Сначала на протяжении одного периода времени существовал риск, что контроль над ним может ускользнуть от нас: его действующими секретарями являлись французский шпик и аннамитские троцкисты. После заседаний [коммунистической] фракции нам удалось исправить эту ситуацию и, несмотря на многочисленные трудности, комитет существует и, кроме того, он очень полезен: более чем 200 известных интеллектуалов с заинтересованностью вступили в него»³. Действительно, в Комитет по амнистии вошли такие известные деятели, как Франсис Журден, Ромен Роллан, Поль Ланжевен, Мариус Мутэ, Андре Виоллис, Луи Рубо и многие другие.

Процесс над вьетнамскими коммунистами (так называемый «процесс 121») прошел в Сайгоне со 2-го по 6-е мая 1933 года. Приговоры были крайне тяжелыми, в частности, 8 человек из представших перед уголовным судом Сайгона были приговорены к смертной казни, 19 — к пожизненному заключению⁴. Даже сам генерал-губернатор Индокитая Пьер Паскье рекомендовал тогдашнему министру колоний Альберу Сарро проявить милосердие и писал, что «сильно переживал, когда узнал суровость вердикта»⁵. Мобилизовав силы левого и крайне левого политических флангов метрополии, Комитет по амнистии начал во Франции мощную кампанию. В прессе, уличных плакатах, листовках, на митингах звучали призывы отменить жестокий приговор.

Вот как описывала ФКП действия Комитета по амнистии: «Известные интеллектуалы... в своих кругах проводят широкую пропаганду на основе материалов, предоставляемых Комитетом,

Комитет передает свои материалы в «левую» прессу, в газету *Le Populaire*, вся индокитайская пресса говорит о нем, он получает корреспонденцию из колонии, которая свидетельствует о широком политическом резонансе в Индокитае»⁶. Помимо этого, делегация комитета встретила с президентом Франции, отправила протестную телеграмму П. Паскье с требованием пересмотра сайгонского процесса. В парламенте М. Мутэ требовал от А. Сарро обнародовать закон об амнистии⁷.

Другим ответом на белый террор стала организация Рабочей делегации по расследованию положения дел в Индокитае. Работа по ее созданию велась Комитетом в сотрудничестве с Компартией Франции, Международной организацией помощи революционерам (МОПР) и Унитарной всеобщей конфедерацией труда (УВКТ). Несмотря на то, что Колониальной комиссией ФКП признавался тот факт, что работа по проведению кампании за отправку Рабочей делегации была недостаточной⁸ и проходила «без размаха и необходимого темпа»⁹, однако все-таки к декабрю 1933 года, главным образом через МОПР, для этой цели было собрано 60 тыс. франков¹⁰.

По инициативе ряда деятелей КПИК для поддержки Рабочей делегации во Вьетнаме была создана Комиссия по сбору документации, в которую входили также и троцкисты, в частности, во главе ее встал один из лидеров кохинхинских сторонников Троцкого — Та Тху Тхау¹¹.

25 января 1934 года на корабле *André Lebon* Рабочая делегация отправилась в Индокитай. В ее составе было три человека: депутат парламента Габриель Пери, представлявший ФКП и *L'Humanité*, Брюно — УВКТ, Жан Шантрон (он же Бартель) — МОПР. 18 февраля по прибытии в Сайгон к ней присоединился сторонник коммунистической партии, местный адвокат Шарль Кансейери в качестве представителя Комитета по амнистии.

Официальными задачами делегации являлось, прежде всего, проведение в Кохинхине, Аннаме и Тонкине открытого расследования: изучение на месте условий жизни рабочего класса, политической обстановки, в которой он действует, масштабов репрессий, состояния мест заключения и условий в них. Другой целью являлось обозначение моральной и материальной

солидарности трудящихся Франции и Индокитая, в частности, распределение помощи жертвам террора. В докладе делегации указывалось: «Принимая во внимание официальный характер миссии и полицейский надзор..., задачи должны были быть осуществлены исключительно в легальной сфере и без установления связи с подпольными революционными организациями колонии»¹².

Эти опасения не были напрасными. Действительно, члены делегации с момента своего прибытия попали под пристальное наблюдение со стороны полиции. Слежка была установлена как за отелем, где они проживали, так и за их передвижениями. 18 полицейских, 16 из которых были вьетнамцами, сопровождали во всех поездках делегацию на одном или двух автомобилях и стремились препятствовать общению Г. Пери и его спутников с местным населением. Члены делегации отмечали, что полицейские меры еще больше ужесточились с момента назначения генерал-губернатором Индокитая Рене Робена (28 февраля 1934 года)¹³.

Противодействие властей не ограничивалось лишь слежкой. Рабочей делегации был запрещен въезд в Тонкин и Аннам, а также отказано в праве посещения вьетнамских пенитенциарных заведений и казарм. Два запланированных митинга (один из которых предназначался в большей степени для европейцев, второй — для вьетнамцев), несмотря на их официальное разрешение, под нажимом властей были отменены.

Поддержку деятельности Рабочей делегации оказывали легально действующие кохинхинские коммунисты, троцкисты и не примыкавшие к этим политическим течениям вьетнамские политические деятели: Нгуен Ван Тао, Чан Ван Тхат, Ле Ван Тхы, Фан Ван Тянь, Та Тху Тхау, Нгуен Ван Шо, Чинь Хынг Нгау, Нго Ван Там, Нгуен Тхе Чуен¹⁴. Особую помощь в организации работы делегации оказал известный вьетнамский революционер Нгуен Ан Нинь, который был выбран по рекомендации Ш. Кансейери ее постоянным переводчиком и сопровождающим¹⁵.

Несмотря на слежку и многочисленные препоны, которые создавала колониальная администрация, Рабочей делегации

удалось осуществить несколько поездок по Кохинхине и четырехдневный визит в Камбоджу, в ходе которых состоялись посещения более 20 селений, в основном, в районах, являвшихся центрами антиколониальных выступлений в 1930—1931 гг. Г. Пери и его спутникам удалось встретиться с семьями заключенных и их друзьями. В докладе, в частности, отмечалось, что о деятельности Рабочей делегации стало известно самим арестантам¹⁶. Таким образом, было собрано большое количество документации, часть из которой была предоставлена вьетнамской Комиссии по сбору документации, в частности, например, список из 2 тыс. человек, отбывавших наказание на острове Пуло Кондор¹⁷.

Приехавшие из Франции участники делегации передали Ш. Кансейери 5 тыс. франков: 3 тыс. должно было быть перераспределено между заключенными, а остальные 2 тыс. — оставлены про запас с целью вручения людям, отбывшим срок, для возвращения по месту проживания и обеспечения их первых нужд. Также 250 франков, собранные в Париже среди «индокитайцев», были отправлены в Хюэ одному «симпатизирующему» журналисту, с тем, чтобы он передал их людям, пострадавшим от недавнего тайфуна, пронесшегося над Аннамом¹⁸.

В связи с задачей придать широкий резонанс посещению Рабочей делегации Индокитая, обозначить солидарность трудящихся Франции и колоний, особое внимание было уделено кампании в местной прессе. Были проведены пресс-конференции, на каждый правительственный запрет от делегации следовал ответ через местные газеты. Вот как оценивали отклик сайгонской печати сами участники миссии: сначала реакция ее была «информативной и, по-видимому, доброжелательной, потом, особенно после назначения Р. Робена..., она сделалась крайне враждебной»¹⁹. Однако все-таки деятельность миссии южновьетнамскими франкоязычными газетами не игнорировалась, что и было целью Рабочей делегации: «Различные официальные заявления, статьи, протесты, которые мы делали, были... опубликованы в этой ежедневной или еженедельной буржуазной прессе, выходящей на французском языке. В последние дни [нашего пребывания] эта пресса с подачи полиции или прави-

тельства публиковала провокационные статьи, требующие нападения на нас во время намеченных нами митингов. Что касается печати на аннамитском языке, то, подверженная цензуре, она не опубликовала ни единого слова о нас»²⁰.

В целом, несмотря на многие сложности, участники делегации остались довольны результатами миссии: «1. Вопреки запретам нам удалось собрать документацию и увидеть достаточно для того, чтобы провести хорошую кампанию во Франции; 2. Поднятый шум в буржуазной прессе, волнение, вызванное нашим приездом и нашими посещениями сел и заводов, наконец, работа, осуществленная нелегальной прессой, а также живые связи в тюрьмах сделали свое дело — о нашей миссии стало известно аннамитским трудящимся и они увидели ее политическую направленность»²¹, — отмечалось в докладе Рабочей делегации.

В соответствии с рекомендациями, данными в Париже, Г. Пери и его товарищи не установили прямого контакта с подпольным аппаратом КПИК, восстанавливающимся в Южном Вьетнаме под руководством Чан Ван Зяу — вернувшимся из Москвы выпускником Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ). Между тем им удалось наладить связь с Компартией через посредников²². По-видимому, таковым стал переводчик и сопровождающий миссии Нгуен Ан Нинь, через которого другой бывший студент КУТВ, член КПИК Нгуен Ван Чан имел возможность передавать и получать информацию, документы и другие материалы²³. Именно этим путем нелегально действующим вьетнамским коммунистам был передан ряд документов Коминтерна, несколько статей из журнала «Коммунистический Интернационал»²⁴. Вьетнамский исследователь Нгуен Ан Тинь также указывает, что Компартии была также переправлена некоторая сумма денег²⁵, возможно, речь идет об 1 тыс. французских франков, переданных Г. Пери «революционным организациям на издание нелегальной газеты», где должн был быть изложена информация о деятельности Рабочей делегации в Индокитае и напечатан сформулированный миссией из Франции пакет требований²⁶.

Нелегально действующим членам Компартии Индокитая также удалось сообщить о положении, в котором действовала их

организация. По словам кохинхинских коммунистов, партия в этот период времени осуществляла реорганизацию своих рядов после тяжелейших репрессий, испытывая неимоверные трудности. Связь с организациями в Северном и Центральном Вьетнаме была затруднена²⁷. Ощущался заметный недостаток в материальных ресурсах. «Мы не только не можем воспитать профессиональных революционеров..., но у нас даже зачастую нет средств, чтобы купить бумагу, типографскую краску и желатин, чтобы размножить копии»²⁸, — жаловались подпольщики. Также на работе КПИК сказывалось отсутствие марксистско-ленинской литературы²⁹.

В то же самое время организация начала работу по созыву I съезда КПИК. Южновьетнамские коммунисты рисовали перед Рабочей делегацией следующие планы: «К концу первого полугодия 1934 года мы подготовим I съезд Компартии, где предложим делегатам обсудить и утвердить программу и устав партии. Через подготовку съезда партии, через ее реорганизацию необходимо на основе отраслей промышленности реорганизовать профсоюзы, развить крестьянские союзы и другие массовые организации»³⁰.

Между тем по мнению Г. Пери и его спутников, на намечающемся съезде должны были доминировать две основные проблемы: во-первых, создание руководящего аппарата КПИК, способного обеспечить единство действий организации, несмотря на репрессии и сложность сообщения между различными частями французского Индокитая, и, во-вторых, «установление более адекватных отношений между товарищами, действующими нелегально, и товарищами, которые хотя и проживают под строгим полицейским наблюдением, тем не менее действуют в легальной сфере и способны в силу этого приносить партии заметную помощь»³¹.

Созыв I съезда вопреки планам кохинхинских коммунистов откладывался. Но вопросы, поставленные Рабочей делегацией, требовали решения. И если первая проблема была временно (до формирования ЦК КПИК) решена посредством создания Заграничного руководящего бюро КПИК, которое было образовано, следуя директивам Коминтерна, в первой половине 1934

года в Китае Ле Хонг Фонгом (секретарь), Ха Хюи Тапом (ответственный за пропаганду) и Нгуен Ван Зытом (ответственный за контроль), то вторая проблема носила более сложный характер.

Представляется, что начало систематической легальной деятельности КПИК неразрывно связано с восстановлением партийного аппарата в Кохинхине, проходившим с начала 1933 года под руководством Чан Ван Зяу. По мнению французской тайной полиции Сюртэ, именно под влиянием последнего активную роль в официальной политической жизни колонии начал играть вернувшийся в 1931 году из Франции Нгуен Ван Тао³². Это косвенно подтвердил и сам Нгуен Ван Тао при личной встрече с Г. Пери: «Несмотря на большие трудности, вернувшись в Индокитай, он вступил в контакт с Компартией... его сотрудничество с сайгонской газетой (речь идет о газете *Trung Lâp* — И.У.) происходило с согласия [Ком]партии. Также с согласия [Ком]партии был выдвинут [на выборы в Муниципальный совет Сайгона 1933 года] рабочий список (куда входил Нгуен Ван Тао. — И.У.), всю кампанию которого поддерживала [Ком]партия»³³, — резюмировал беседу с вьетнамским революционером французский парламентарий.

Стратегическую линию на вывод части работы КПИК из подполья и на формирование «легального фронта» борьбы с колониализмом, принятую кохинхинскими коммунистами под руководством Чан Ван Зяу, подтверждает и намерение продолжать участие в официальной политической жизни колонии. «Отмечаем, — писали члены Рабочей делегации, — что через несколько месяцев будут проходить выборы в Колониальный совет и что наша партия намеревается использовать эту кампанию для распространения и популяризации своей программы немедленных требований»³⁴.

Помимо участия в выборах, в русле этой же политики южновьетнамские члены КПИК стремились создать легальный орган печати. За несколько месяцев до визита Рабочей делегации, в октябре 1933 года, подпольные коммунисты уже обсуждали данный вопрос с членом Дальбюро ИККИ Тимом Райаном, побывавшим в Кохинхине проездом. В частности, они попросили

предоставить им денежные средства в размере 500 пиастров (300 американских долларов). «Эта сумма, — отмечалось в докладе эмиссара Коммунистического Интернационала, — гарантирует издание в течение трех месяцев еженедельной газеты в количестве 3000 экземпляров»³⁵.

Просьба о помощи в издании легальной прессы повторилась и к Рабочей делегации. «Товарищи спрашивают, — говорилось в отчете в разделе о возможной помощи КПИК, — не могла бы партия обеспечить выход в свет газеты на французском языке, которая была бы официальной газетой Коммунистической партии Индокитая. Это положило бы конец опасной неразберихе, такой как, например, печать колониальной газеты (*Monde*), которая публикует революционные статьи, имеет левую направленность, но редакция которой, по меньшей мере, вызывает подозрения»³⁶. В докладе рабочей делегации, в целом, на эту просьбу давался положительный ответ: «Сколько будет стоить издание газеты? Кто войдет в редакцию? Как часто она будет выходить? Это все частные вопросы, которые надлежит решить позднее»³⁷.

18 марта, то есть ровно через месяц после своего прибытия в Сайгон, делегация отплыла обратно в метрополию (прибыла во Францию 11 апреля). По-видимому, именно в Париже решался вопрос о начале публикации легального органа печати. Эта идея получила поддержку ФКП, однако не в форме «официальной газеты Коммунистической партии Индокитая». В плане работы Колониальной комиссии ФКП через несколько месяцев после возвращения Рабочей делегации (10 июля 1934 г.) намечалось «издание новой “независимой” (закавычено в тексте. — И.У.) легальной газеты с французским управляющим»³⁸. Таким образом, издание печатного органа было санкционировано, а необходимая помощь, по-видимому, оказана. «Независимость» редколлегии воссозданной 4 октября 1934 года в Сайгоне газеты *La Lutte* обеспечивало присутствие в ней, помимо коммунистов, также троцкистов и независимых левых политических деятелей³⁹.

Между тем, в докладе, направленном Чан Ван Зяу в ФКП в начале 1935 года и перехваченном полицией, говорилось: «Газе-

та *La Lutte*, которая, несмотря на некоторые ошибки, занимает коммунистическую позицию, находится больше, чем под нашим влиянием: она фактически управляется [Ком]партией... Легальная деятельность на этот раз будет хорошо координироваться под непосредственным руководством Коммунистической партии»⁴⁰.

Таким образом, визит Рабочей делегации стал отправной точкой для формирования широкого легального коммунистического (шире — марксистского) движения в колонии, быстро получившим поддержку населения и ставшим одной из доминирующих сил на политической арене Вьетнама во второй половине 1930-х гг. С этой точки зрения показательна оценка миссии Г. Пери и его товарищей в ФКП: «Помощь, которую мы оказали революционному движению в Индокитае, особенно выразилась в отправке делегации по расследованию в составе трех человек... Ее прибытие в Индокитай породило большой энтузиазм и стало значительной моральной поддержкой нашим индокитайским товарищам... После визита делегации в политической жизни Сайгона широко развернулось легальное рабочее движение вокруг газеты «*La Lutte*»; основателем ее был [Нгуен Ван] Тао, который во Франции являлся членом ЦК ФКП. Линия газеты, в целом, правильная. Объединение вокруг газеты стремительно приобрело значительное влияние, что демонстрируют выборы [1935 г.] в Колониальный совет Кохинхины и, в особенности, муниципальные выборы в Сайгоне..., где кандидаты от «Ля Лютт» получили 4 места..., несмотря на террористическое давление правительства»⁴¹.

Примечания

¹ Những sự kiện lịch sử Đảng (Исторические события [Ком]партии). Т. 1 (1920—1945). TP Ho Chi Minh, 1976. Tr. 311—315; *Đinh Xuân Lâm, Nguyễn Văn Khánh, Nguyễn Đình Lễ*. Đại cương lịch sử Việt Nam (Общая история Вьетнама). Т.2. Hanoi, 2007. Tr. 314 и т.д.

² *Morlat, Patrice*. La repression coloniale au Vietnam. 1908—1940. Paris, 1990. P. 159—160.

- ³ РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 1509. Л. 193.
- ⁴ *Đinh Xuân Lâm, Nguyễn Văn Khánh, Nguyễn Đình Lễ. Đại cương lịch sử Việt Nam. T.2. Tr. 311.*
- ⁵ *Ngô Văn. Việt-nam 1920—1945, Révolution et contre-révolution sous la domination coloniale. Paris, 1995. P. 199.*
- ⁶ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1509, л. 193.
- ⁷ *Morlat, Patrice. La repression coloniale au Vietnam. 1908—1940. Paris, 1990. P. 161.*
- ⁸ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1504, л. 123.
- ⁹ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1509, л. 193.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1504, л. 123.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 82.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 78.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 83.
- ¹⁴ *[Nguyễn] Thu Thủy, Nguyễn Quế, Nguyễn Quế Lâm. Nguyễn Văn Tạo (1908 -1970). TP Hồ Chí Minh, 2007.*
- ¹⁵ Взгляды Нгуен Ан Ниня того периода так оценивались делегацией: он «обладает достаточно широкой эрудицией и, в частности, достаточно глубокими познаниями в области марксизма-ленинизма, однако, чисто теоретическими. Его политическая подготовка и взгляды слегка беспорядочны. На первых порах своей жизни он был последователем буддизма, которым он все еще отчасти пропитан. Затем он был адептом каодаизма, от которого, по-видимому, полностью отошел... Этот товарищ живет в среде, включающей многих троцкистов, но непохоже, чтобы он поддавался под их влияние. Напротив, он проявляет по отношению к ним антипатию» (РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 79)
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 83.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 82.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 82—83.
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 83.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 84.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 85.
- ²² РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 90.
- ²³ *Nguyễn An Tịnh. Nguyễn An Ninh. TP Hồ Chí Minh, 1995. Tr. 47.* Надо сказать, что Нгуен Ван Чан и Чан Ван Зяу в это время, по всей видимости, имели достаточно тесные контакты. Стоит упомянуть хотя

- бы тот факт, что Чан Ван Зяу до 1935 г. проживал у родни Нгуен Ван Чана (Trần Văn Giàu. Hồi ký. 1940—1945 // Tạp Chí Thời Đại Mới. № 21. 2011. Май. Tr. 172 URL: http://www.tapchithoidai.org/ThoiDai21/TranVanGiàu_HoiKy_ToanBo.pdf)
- ²⁴ *Nguyễn An Tịnh. Nguyễn An Ninh. Tr. 47; РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 90—91, 92.*
- ²⁵ *Nguyễn An Tịnh. Nguyễn An Ninh. Tr. 47.*
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 83.
- ²⁷ Только в начале октября 1933 г. была восстановлена почтовая связь между кохинхинскими коммунистами и их товарищами из Тонкина и Аннама (РГАСПИ Ф. 495, оп. 154, д. 577, л. 11).
- ²⁸ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 91.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 93.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 92б.
- ³¹ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 92.
- ³² *Morlat, Patrice. La repression coloniale au Vietnam. 1908—1932 РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 105.*
- ³³ Р. 168.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 105.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 93.
- ³⁶ РГАСПИ Ф. 495, оп. 154, д. 577, л. 15.
- ³⁷ РГАСПИ Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 95а.
- ³⁸ Там же. «*Mond*» — газета, издававшаяся журналистом Као Ван Тянем. Начала выходить 30 ноября 1933 г., в основном освещала проблемы революционной литературы и перепечатывала статьи из коммунистических изданий метрополии. «*Mond*» просуществовала всего несколько месяцев и прекратила публикации 1 февраля 1934 г., насчитывая среди своих подписчиков лишь 111 человек (*Hémery, Daniel. Révolutionnaires vietnamiens et pouvoir colonial en Indochine: communistes, trotskystes, nationalistes à Saigon de 1932 à 1937. Paris, 1975. P. 60*). Као Ван Тянь считался среди кохинхинских коммунистов личностью подозрительной. Нгуен Ван Тао в беседе с Г.Пери отзывался о Као Ван Тяне как об агенте-provokatore, организовавшим против него кампанию травли в Париже (РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1651, л. 105).
- ³⁹ РГАСПИ Ф. 517, оп. 1, д. 1643, л. 44.

³⁹ Подробнее о сотрудничестве коммунистов и троцкистов в рамках газеты «*La Lutte*» см. *Hémery, Daniel. Révolutionnaires vietnamiens et pouvoir colonial en Indochine.*

⁴⁰ *Hémery, Daniel. Révolutionnaires vietnamiens et pouvoir colonial en Indochine.* Р. 63.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 517, оп. 1, д. 1734, л. 35—36.

А.А. Соколов

РУССКИЕ В ИНОСТРАННОМ ЛЕГИОНЕ: ИНДОКИТАЙ (конец XIX — середина XX века)

9 марта 1831 года французский король Луи-Филипп Орлеанский подписал декрет о создании нового военного формирования — Иностранного легиона, в котором интересам французской короны, а впоследствии и интересам всех пяти французских республик, могли служить нефранцузы (т. е. неподданные и неграждане Франции). По замыслу французского короля легион должен был использоваться только в военных конфликтах за пределами страны.

Первые упоминания о русских во Французском Иностранном легионе в Индокитае¹ встречаются в рукописных дневниках князя К.А. Вяземского, который в 1892 году совершал путешествие по этой колонии Франции. Тогда он установил, что в Иностранном легионе, который входил в состав французских войск, среди прочих иностранцев служили и беглые русские. Об этом он написал в своем дневнике: «Есть тут один русский капитан, раненный пулей в живот, мне не удалось узнать, как он сюда попал; французские власти им очень довольны. <...> будто он в России долго служил и за дуэль был разжалован в солдаты, попал к злобному офицеру в роту и решился бежать, сперва в Австрию, а потом во Францию»².

На рубеже XIX—XX веков началась первая волна рекрутов из Российской империи, когда в ряды французских легионеров